

ЕПИСКОПЪ САРАТОВСКІЙ И ЦАРИЦЫНСКІЙ АВРАМІЙ.*)

* Многое, весьма сочувственное для читателей „Братской Помощи“, можно было бы сказать о скончавшемся 24-го сего октября, въ 7^{1/4} ч., глубокоуважаемомъ Епископѣ Авраміѣ, переведенномъ на Волгу изъ далекаго холоднаго Тобольска и знавшаго по опыту горькую бѣдность въ былые годы. Но на сей разъ удовольствуемся немногими строками. Прежде всего скажу, что мнѣ, встрѣчавшему Епископа по вѣздѣ его впервые въ Саратовъ и слушавшему его первое тогда же слово къ народу (напечатанное въ „Братской Помощи“),—мнѣ же пришлось присутствовать и при отходѣ его на вѣки изъ этого міра и слушать послѣдніе тихіе вздохи его.

Въ 6 час. вечера поѣхалъ я къ страждущимъ въ горы (это было воскресенье) и, посѣтивъ два семейства, отправился къ Преосвященному (какъ къ моему цензору по религіозному отдѣлу „Братской Помощи“), съ рукописью, мнѣ присланною, содержащую въ себѣ прекрасную бесѣду на текстъ: „*Безъ Мѣя не можете творить ничего*“ (Е. I. ¹⁵/₅).

Подѣхавъ къ архіерейскому дому, я увидѣлъ экипажи и спросилъ, что это значить? «Владыку соборуютъ», отвѣчала швейцаръ.

Я поспѣшилъ къ дорогому больному, еще наканунѣ принимавшему просителей, и увидѣлъ его лежащимъ повидимому безъ сознанія. Едва-едва дышалъ онъ, а священнослужители близъ него совершали свое святое дѣло. Объ исцѣленіи раба Божьяго Аврамія молились пастыри, но какъ только маслособорованіе кончилось, кроткій Архипастырь испустилъ духъ... Что было присемъ—знаютъ тѣ многіе, кто присутствовалъ у одра смерти Епископа, который такъ и остался не понятымъ многими, чтобъ не сказать иначе. Изъ лицъ не-духовныхъ, благодаря случаю,

*) «Братская Помощь» 1893 г. №№ 86—87—88.

былъ только я одинъ при покойномъ въ послѣднія минуты его, и при всей печали моей утѣшало меня одно, что Владыко, дорогой братъ нашъ, не только почти вовсе не страдалъ передъ смертью. до потери сознанія, но и скончался тихо, безъ стоновъ и криковъ, безъ судорогъ и какихъ-либо признаковъ страданій, столь ужасныхъ для окружающихъ... По истинѣ блаженною была кончина Епископа, который за доброту свою, за смиреніе и непоколебимую преданность своему долгу Епископскому именно и заслужилъ кончину праведника. Какъ Епископъ, онъ оставилъ навсегда добрый примѣръ своимъ преемникамъ, такъ какъ онъ споспѣшествовалъ пользамъ государственнымъ по тремъ важнымъ предметамъ: народныя религіозныя чтенія, благоустроеніе церковно-приходскихъ школъ и миссіонерство, безъ шума, безъ насилія, безъ соблазна. Всегда трудился Епископъ, не имѣя викарнаго помощника, и всегда былъ онъ на стражѣ интересовъ епархіи своей, а просителей принималъ онъ такъ, какъ нынѣ безустально принимаетъ ихъ митрополитъ Московскій Сергій, сей мудрый іерархъ и монахъ по призванію, котораго я недавно посѣтилъ какъ стараго сослуживца моего по Курску...

Какъ монахъ, рабъ Божій Епископъ Аврамій былъ несомнѣнно образцомъ для монашества. Какой-то почтенный славянофилъ, кажется Кирѣевскій, сказалъ, „что для того, чтобъ познать православіе Русское, нужно познать монашество“. Отчего бы и не такъ, сказалъ бы я,—но если-бы больше было такихъ монаховъ, какъ усопшій Епископъ Аврамій, какъ митрополитъ Сергій и немногіе другіе.

Многіе въ Саратовѣ были недовольны, что Епископъ Аврамій не всѣмъ отдавалъ визитовъ, отказывался отъ частаго общенія съ мірянами за трапезой и въ другихъ случаяхъ и вообще чуждался суэтъ свѣтскаго міра нашего. Но забываютъ міряне, что Архіерей есть у насъ вмѣстѣ съ тѣмъ и монахъ, и что нельзя ни отъ какого Архіерея тре-

бовать, чтобы онъ былъ больше Епископъ-администраторъ, чѣмъ монахъ-христіанинъ. Священная клятва монаха не измѣняется и не ослабляется при посвященіи его во Епископы. Вообще же не намъ, многогрѣшнымъ мірянамъ, судить Архіереевъ за ихъ неособенную общительность съ нами, на которую, если принять во вниманіе массу трудовъ, особенно безъ викарнаго Епископа, и времени не хватаетъ, строго говоря... Да неужели же намъ мало веселыхъ собесѣдниковъ и почтенныхъ соотрапезниковъ и т. п. и безъ Архіереевъ? Къ тому же Архіерей обыкновенно не нашъ духовный отецъ, подобный іерею, съ которымъ возможно болѣе частое общеніе желательно въ мірѣ, если онъ другъ нашъ, а не исповѣдникъ только по формѣ, и нуженъ Архіерей всего болѣе для іереевъ. Гораздо важнѣе и справедливѣе, вмѣсто того, чтобы легко осуждать Архіереевъ въ указанномъ отношеніи—обращать вниманіе на нихъ со стороны ихъ чело-вѣколюбія, ихъ христіанства въ качествѣ добрыхъ людей, служащихъ благимъ примѣромъ не только для пастырей сель и городовъ, но и для всей паствы мірянъ. А такимъ именно добрымъ чело-вѣкомъ былъ и Епископъ Аврамій, который отличался и вѣротерпимостью, насколько это было согласно съ Епископскими задачами и обязанностями. Еще недавно онъ братски облобызалъ пришедшаго къ нему по дѣлу пастора ев.-лют. церкви Томсона, а къ нехристіанамъ по вѣрѣ онъ не имѣлъ никакой злобы; напротивъ онъ былъ милостивъ и къ нимъ и вѣрилъ въ грядущее благо единенія людей и народовъ и въ торжество добра.. Мнѣ не рѣдко приходилось бесѣдовать съ почившимъ Епископомъ какъ съ цензоромъ моимъ по журналу и знакомиться съ нимъ со стороны наиболѣе цѣнной передъ Богомъ и людьми, со стороны милосердія, и я радъ оповѣстить всѣхъ не знавшихъ Епископа Аврамія или не вѣрно понимавшихъ его, — что это былъ *очень хороший чело-вѣкъ*. Онъ же былъ и весьма снисходительный, терпѣливый, деликатный и созна-

валъ свои слабости (кто ихъ не имѣеть и кто не грѣшитъ?) болѣе. чѣмъ сознаемъ мы, міряне, свои заблужденія и пороки. Симпатичная сторона его состояла и въ томъ, что онъ слѣдилъ за успѣхами отечества далеко не по одному духовному вѣдомству, и въ этомъ отношеніи онъ не былъ отшельникъ-аскетъ, а напротивъ... Лучшимъ же перломъ души Епископа Аврамія было глубокое чувство любви къ страстотерпцу Христу, благоговѣйнѣйшее пониманіе всей силы и значенія страданій Христа и искренняя вѣра Евангельская при совершенной холодности къ міру суесть чело- вѣческихъ (чтобъ не сказать иначе), но онъ зналъ съ кѣмъ о чемъ говорить. Со мною въ бесѣдахъ нашихъ онъ далеко не всегда соглашался. и мы даже иногда спорили. Последнее, что онъ изъ моихъ изданій цензуровалъ была „*Памятка Братской Помощи*“... Мировой характеръ Евангельскаго слова, которымъ преисполнена эта какъ бы иконка свѣта божественнаго, былъ особенно симпатиченъ преосвященному, и такое чувство его я объяснялъ именно тою таившеюся въ глубинѣ души его обильною вѣротерпимостью, которая столь согласна съ геніемъ Евангельскаго ученія.... Правда, что, охраняя значеніе своего сана, онъ не могъ упускать изъ вида воззрѣній и чувствъ іереевъ епархіи, но въ существѣ онъ стоялъ неизмѣримо выше ихъ, и я не обижался, когда онъ иногда какъ бы осуждалъ меня на сторонѣ за мою слишкомъ широкую вѣротерпимость и желаніе быть въ братствѣ со всѣми людьми. Я понималъ преосвященнаго и, уважая глубоко жизнь его, скажу слѣдующее: зная ближе Епископа Аврамія, можно было бы въ послѣднее время жизни его вспомнить то стихотвореніе Полтавина, которое пять лѣтъ тому назадъ писалось въ виду и въ честь Преосвященнаго Епископа Павла, бывшаго Саратовскаго Епископа, нынѣ Астраханскаго, также глубоко чтимаго мною...

Дай Богъ, чтобъ къ идеалу, начертанному Полтавинымъ въ данномъ случаѣ, т. е. въ нижеприведенномъ стихотвореніи, прибли-

жалось какъ можно ближе наибольшее число Архипастырей, а также и Пастырей, подобно, напиримъръ, протоіерю Іоанну Сергіеву Кронштадтскому, котораго особенно высоко чтить Епископъ Аврамій.

Вотъ стихотвореніе, о которомъ рѣчь. Прочтите его, читатель добрый и читательница „Братской Помощи“, и, хоть мысленно, братски скажите: „Вѣчная память усопшему рабу Божьему, Епископу Аврамію!“

Редакторъ „Вр. Пом.“.

25-го октября.

И Д Е А Л Ъ .

Все тѣ же думы и заботы
Волнуютъ чистый духъ его;
Творца Всевышняго щедроты
Примѣромъ служатъ для него.
Какъ день за днемъ свѣтъ солнца чудный
Неутомимъ въ своихъ лучахъ,
Такъ и Владыки подвигъ трудный
Въ благихъ неустальныхъ дѣлахъ;
Какъ ключъ живой воды отраду
Являетъ путнику собой,
Такъ онъ, Владыко, лишь усладу
Вливаетъ въ душу добротой;
Какъ дубъ могучій и тѣнистый
Даетъ живительную тѣнь,
Такъ и Владыко, жизнью чистой,
Являетъ паствѣ Божью сѣнь.
Какъ бы улыбкою своею
Цвѣтокъ иной чаруетъ насъ,
Такъ и красы святой идею
Даетъ понять Владыки гласъ,
Какъ ночь небесъ съ своей лампадой
Насъ съ зломъ суэтностей мирить,